

Труд. Художник Форд Мэддокс Браун. 1852–1865

УДК 1+007

Батурин В.К.

Пространство и время человеческой деятельности

Батурин Владимир Кириллович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Всероссийского заочного финансово-экономического института (Москва), академик РАЕН

E-mail: BaturinVK@yandex.ru

В статье рассматриваются методологические аспекты построения философской теории человеческой деятельности, дается философский анализ проблемы субъект–объектных отношений и генетической взаимосвязи деятельности, познания и управления.

Ключевые слова: деятельность, субъект–объектные взаимодействия, традиция, теории познания, целостное единство познания и управления.

1. Деятельность как философская категория

Исторически первым предметом исследования философов в рамках обозначенного направления стала массовая рутинная активность людей, связанная с основами человеческого существования и поддержанием жизни – труд, практика, работа. Особое внимание в истории философии было уделено категории «труд». Основные результаты ее теоретических исследований масштабны и глубоки, в данной работе они будут определенным образом представлены и проанализированы.

С самых общих философских позиций труд рассматривается как фундаментальная движущая сила и механизм развития человечества, как очень важный фактор познания окружающей действительности и конструирования символической картины мира, как ключевое и во многом определяющее обстоятельство в созидании культуры и духовности человека. При характеристике категории труда в большинстве работ подчеркивается его телесно – чувственная форма и материальная преобразующая сущность, качественное отличие от активности животного мира, опосредованность труда сознанием человека, его принципиально общественный характер. Осо-

бенно фундаментальны и системны философские исследования проблемы труда в работах Г.В.Ф.Гегеля и К.Маркса, которые рассматривали труд как процесс социализации предметов внешнего мира для удовлетворения потребностей человека, как форму социального движения.

Г.Гегель понятие «труд» фактически отождествляет с процессом самопроизводства родового человека: «истинное бытие человека... есть его деятельность», в которой «человек... должен создавать самого себя»¹. Труд, человеческая деятельность, по Гегелю, является тем инструментом, с помощью которого мировой разум направляет процесс создания всемирной истории – «трагического движения человечества ради прогресса». Следует особо отметить, что в своем понимании труда как средства саморазвития человека Гегель продолжает следовать многовековой философской традиции своих предшественников – философов XVII–XIX вв., рассматривавших труд с его созидательных, позитивных последствий для родового человека.

Маркс отказывается следовать этой устоявшейся познавательной традиции и дает принципиально иную, свою собственную трактовку понятия «труд». Суть этого нового понимания труда состоит в том, что человек не утверждает себя в труде, а, напротив, «... изнуряет свою физическую природу и разрушает свой дух»². Именно труд, по Марксу, является той основной причиной разрушения родовой природы человека, которая отчуждает человека и от самого себя, и от продуктов своей деятельности. Маркс подчеркивает, что окончательное преодоление такого состояния человека не может состояться до тех пор, пока не будет преодолена его зависимость от труда как экономической необходимости, до тех пор, пока над человеком «господствует экономика»³.

Сразу обращаем внимание на то обстоятельство, что взгляды Гегеля и Маркса на сущность понятия «труд» диаметрально противоположны и, если принять во внимание только одну из этих традиций-оппозиций, у нас будет только часть понимания содержания этой категории. Но кто прав – Гегель или Маркс? А может быть, они оба правы и, стремясь к целостному охвату понятия труд, необходимо соединить в единое целое обе этих традиции-оппозиции? Чуть позже нам предстоит дать ответ в том числе и на этот вопрос...

В многочисленных философских исследованиях понятие труда сводится к материальной преобразующей деятельности или же отождествляется с понятием деятельности вообще, которое, на наш взгляд, более широкое, более теоретическое, более философское понятие, чем труд или активность. Среди основных философских характеристик понятия «деятельность» следует особо выделить следующие.

Хорошо известно исследовательское направление, сложившееся в советской науке и получившее название «деятельностный подход» (С.А.Рубинштейн, Э.В.Ильенков, А.Н.Леонтьев, Г.С.Батищев, Г.П.Щедровицкий, М.К.Мамардашвили, Э.Г.Юдин и др.). Сущность деятельности в данном методологическом подходе определяется как целенаправленная активность человека, которая всегда, при всех ее рассмотрениях принципиально включает в себя определенную совокупность субъект-объектных взаимодействий и отношений.

М.С.Каган, например, трактует деятельность как активность субъекта, направленную на объекты или другие субъекты и главными структурными ее составляющими являются следующие три: субъект, наделенный активностью; объект, на который направлена эта активность; сама активность как способ овладения объектом или коммуникации с другими субъектами. Деятельность, по М.С.Кагану, проявляет себя в одной из возможных форм: преобразование природы (по своему содержанию эта форма соответствует категории труда); преобразование общества; преобразование самого человека⁴.

По Э.Г.Юдину, «деятельность» представляет собой «специфическую человеческую форму активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет целесообразное изменение и преобразование этого мира на основе освоения и развития наличных форм культуры»⁵ и содержит в себе некий спектр различных смысловых интерпретаций: Деятельность как объяснительный принцип, выражающий универсальное основание человеческого мира; деятельность как предмет научного познания, в котором определенной научной дисциплиной воспроизводится нечто целостное и нерасчлененное; деятельность как предмет управления, подлежащий организации с целью функционирования и развития; деятельность как предмет проектирования, предназначенный для выявления и разработки способов и условий реализации фиксированных видов человеческой активности⁶.

В.П.Фофанов рассматривает деятельность как некую форму социального движения, которая распадается на два своих атрибута – практический и духовный, – основное различие между которыми определяется различием их целей: Цели практической деятельности состоят в преобразовании природы, а цели духовной составляющей человеческой деятельности состоят в отражении этой реальности в сознании субъекта⁷.

В работе В.И.Слободчикова⁸ философское представление о деятельности включает в себя в качестве основного содержания этого понятия совокупность результатов и последствий человеческой активности, всеобщий способ отношения людей к своей жизни, а также процессы преодоления трудностей и самоизменения человека.

Важен и результат философского исследования понятия «деятельность», полученный В.М.Розиним: Его сущ-

¹ Гегель Г. Философия религии. В двух томах. М.: Мысль, 1977. Т. 2. С. 263.

² Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 562.

³ Там же. С. 565, 567.

⁴ Каган М.С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). М.: Политиздат. 1974. С. 43–46.

⁵ Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978. С. 272–273.

⁶ Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: УРСС, 1997. С. 250

⁷ Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981. С. 108.

⁸ Слободчиков В.И. Деятельность как антропологическая категория (о различении онтологического и гносеологического статуса деятельности). Вопросы философии, 2001, №3. С. 48–57.

ностное содержание представляется либо одним из способов описания действительности, либо оно само так задает эту действительность, что кроме самой деятельности в плане определения реальности ничего и не существует¹.

Исследованию сущностного содержания понятия деятельности посвящены и многие работы зарубежных ученых, среди которых особо отметим труды М.Вебера, Э.Мунье, Ю.Хабермаса, Т.Парсонса, К.Ясперса, Л.Мэмфорда и др.

Так, согласно Л.Мэмфорду, человеческая деятельность разделяется на два больших разноуровневых класса: на утилитарно-практическую деятельность, лишенную творчества, ориентированную на решение низменных задач, обеспечивающую выживание человеческому роду и в этом смысле ставящую знак равенства между человеком и животным; на художественно-теоретическую деятельность, в полной мере отражающую родовую человеческую сущность, наполненную творчеством, духовным и интеллектуальным содержанием². Две составляющие человеческой деятельности вычленил и Ю.Хабермас: трудовую деятельность как процесс взаимодействия человека с природой и межличностные взаимодействия в «жизненном мире»³.

Сущность деятельности, согласно взглядам М.Вебера, наиболее успешно и полно может быть проявлена через теоретическое отражение и осмысление его связи с двумя другими понятиями – «действие» и «смысл». Связь этих двух понятий содержательно проста – любое действие как некая человеческая активность обязательно «привязано» к субъективным смыслам индивида. Например, совокупной практической деятельности людей к их религиозным воззрениям в рамках протестантизма⁴. Такая теоретическая трактовка деятельности как совокупности отдельных действий, каждое из которых всегда обременено субъективными смыслами и определенностями, позволила М.Веберу построить особую трудовую теорию общества. В ней деятельные ориентации человека оказались смещенными с нравственно-ценностных начал на принципиально иные смыслы, среди которых центральное место заняло новое начало – успех. Именно успех в модели общества (по М.Веберу) стал выполнять функции ключевого смыслообразующего признака не только в религиозной активности людей (в протестантизме), но и в их хозяйственной деятельности (в капитализме)⁵.

Э.Мунье выделяет в структуре человеческой деятельности четыре основных содержательных аспекта: делание, действие, созерцание и коллективность действия⁶. Им особо подчеркивается, что человеческая личность приобретает себя в целостном и относительно полном виде только тогда, когда она «теряет себя как биологическая особь»; в связи с этим труд («делание») ценен для человека только своей наивысшей целью – способствованию «наступления эры личностей», в которой «незанятая личность» будет способна к высшим формам деятельности как средству познания истины, как процессу духовного постижения мира⁷.

Необходимость битвы за существование посредством своей деятельности, подчеркивает К.Ясперс, оборачивается самыми катастрофическими последствиями для человека; покоренная природа, вся планета превращается в «единую фабрику», где он становится средством, элементом необходимости, работником, «жителем Земли без родины», не зная, кто он, для чего пришел в этот мир и, в конечном итоге, так и не сумев освободить себя от господства над собой тирана – природы⁸.

В представленном здесь далеко не полном теоретическом обзоре содержится информация не только об отдельных сторонах деятельности, но так же определенные сведения для нашего общего вывода: основная нерешенная проблема на данный момент времени состоит в том, что до сих пор нет философской теории человеческой деятельности. Такой теории, которая смогла бы целостным образом не только вместить в себя уже научно-открытую и исследованную содержательно-структурную часть этого важнейшего понятия, но и дала бы необходимые возможности для проникновения в принципиально новые, пока еще не вскрытые познанием сущностные смыслы данного предмета исследования – «деятельности» как именно философской категории.

Дальнейшее содержание этой работы посвящено решению этой научной задачи – обоснованию и построению философской теории человеческой деятельности. Это и будет ответом на вопрос, что же составляет для человеческой деятельности ее пространство и время – в сущностном их понимании.

2. Методологические аспекты построения философской теории человеческой деятельности

Решение сформулированной выше исследовательской задачи следует начать с методологического анализа самой сути теории вообще и ее философской (метафизической) разновидности, в частности, с предварительного анализа и научного структурирования соответствующего понятийного аппарата искомой теории – философской теории человеческой деятельности. Теория – это логически взаимосвязанная система понятий и утверждений о свойствах, отношениях и законах некоторого множества идеализированных объектов⁹. Основная ее цель состоит в конструировании таких базовых идеализированных объектов в их связях и отношениях, которые смогли бы дать достаточно целостное представление, по возможности, о всех уже известных свойствах и отношениях различных сторон предмета исследования (в нашем случае – человеческой деятельности),

¹ Розин В.М. Ценностные основания концепций деятельности в психологии и современной методологии. Вопросы философии. 2001. № 2. С. 96–106.

² Мэмфорд Л. Миф машины // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 79–97.

³ Цит. по: История теоретической социологии. В 4-х томах. М.: Канон, 2002. С. 208.

⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 603.

⁵ Там же. С. 205.

⁶ Мунье Э. Персонализм. М.: Искусство, 1992. С. 33.

⁷ Там же. С. 112, 114.

⁸ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат. 1991. С. 115–116.

⁹ Лебедев С.А. Философия науки: Словарь основных терминов. М.: Академический Проект. 2004. С. 246–247.

а также способствовать получению логическим путем определенного количества новых значимых научных результатов. Хорошо известно, что основными структурными элементами любой научной теории являются: мета теоретические основания (картина мира, идеалы и нормы научного исследования, общенаучные принципы, типы рациональности и т.д.); исходные идеализированные объекты, понятия и утверждения (аксиомы) данной теории; производные объекты, понятия и утверждения (теоремы), формальным образом выводимые с помощью определенных правил вывода, принятых в данной теории в качестве ее «логики» из исходных теоретических конструктов и ранее добытых содержательных результатов¹.

Любая теория всегда строится на методологическом фундаменте того или иного типа рациональности (классического, неклассического, постнеклассического), обладающего особым пониманием предмета исследования, своей собственной содержательной определенностью понятий (терминов) и состоящих из них суждений, той или иной степенью системности, обоснованности, рефлексивности, критичности. Следует особо отметить и то обстоятельство, что успешное теоретическое исследование разворачивается относительно самостоятельно благодаря неким внутренним источникам саморазвития теории, сосредоточенным в массиве предшествующего знания; определить эти сингулярные «точки роста», исследовательским образом задействовать их для целей предметного теоретизирования также чрезвычайно важно².

При построении научных теорий огромна роль «идеализации» – процесса конструирования мышлением особого рода реальности – мира теоретических (идеализированных) объектов (и понятийного аппарата) для достижения поставленных исследовательских целей возможностями продуктивного воображения, конструирования, фантазии, интуиции, логической систематизации и формализации. Применяя соответствующие идеализации для целей нашего исследования, используя теоретический багаж предшествующих научных разработок, можно определить примерный понятийный аппарат философской теории человеческой деятельности. В первом приближении в состав этого понятийного аппарата следует включить совокупность тех идеализированных объектов, которые в той или иной форме были теоретически «проявлены» в первой части нашей работы. Речь, прежде всего, идет о таких понятиях, как «объект», «субъект», «труд», «активность», «цель», «ценность», «отчуждение», «субъективный смысл индивида», «родовая сущность человека», «природа», «культура», «проект» и др. Будут введены и некоторые новые его элементы, необходимые нам для целей исследования («познавательная традиция», «внешний и внутренний методологизм», «первая и вторая составляющие человеческой деятельности» и др.).

Для понимания динамики теоретических построений вообще и для целей построения философской теории человеческой деятельности, в частности, принципиальное значение имеет еще одно важное понятие – «познавательная традиция», об одной из которых нами уже упоминалось при анализе различий теоретических представлений о деятельности во взглядах Г.В.Ф.Гегеля и К.Маркса. Значимость исследовательской работы с познавательными традициями при построении любых научных теорий, на наш взгляд, настолько высока, что можно ответственно и определенно утверждать о принципиальной невозможности построения каких-либо целостных и развернутых философских и научных конструктов без качественного учета и системного осмысления познавательных традиций в любой предметной области. Нами эта проблема была исследована весьма подробно в отдельной монографии³, где на основе анализа процесса научного познания была вскрыта принципиальная инвариантность познавательной традиции в историческом развитии науки, философии и философии науки, – инварианта, который всегда выполняет функции методологической основы и содержательного каркаса в различных теоретических построениях. При построении нашей философской теории человеческой деятельности нам также необходимо выбрать ту познавательную традицию, которая в полной мере может быть определена на роль инварианта (именно инварианта) в исследованиях человеческой деятельности; из представленного обзора основных результатов ее научного анализа нетрудно содержательно выявить, что основным таким инвариантом всех исследований данной проблемы является познавательная традиция интерпретации человеческой деятельности посредством ее включенности в субъект–объектные взаимодействия. Следовательно, методологическим и содержательным каркасом теории человеческой деятельности, на наш взгляд, должен быть именно этот инвариант исследовательского развития понятия «деятельность» – взаимодействие между субъектом и объектом во всей его полноте и целостности.

Поскольку уже осуществлен выбор базового инварианта в построении теории человеческой деятельности, сразу же стала ясной и определяющая содержательная направленность этой будущей теории – ее принципиально философский характер. Обосновать это положение возможно следующим образом. Выбрав в качестве методологического и содержательного каркаса теоретического постижения человеческой деятельности именно субъект–объектные отношения, мы этим исследовательским движением зафиксировали философскую предметность искомой теории, поскольку предметность самой философии, с одной стороны, и проблема субъект–объектных взаимодействий, с другой, между собой связаны самым непосредственным образом: «продуктивно понимать предмет философии как огромную совокупность субъект–объектных отношений»⁴. Отсюда и следует принципиальная возможность нашу будущую теорию человеческой деятельности вполне обоснованно назвать именно фило-

¹ Там же. С. 246–247.

² Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.

³ Батулин В.К. Познавательная традиция как инвариант развития науки, философии, философии науки. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос академии экономики и управления, 2004.

⁴ Соколов В.В. Историческое введение в философию: История философии по эпохам и проблемам: Учебник для высшей школы. М.: Академический Проект, 2004. С.5.

софской теорией, поскольку любое исследование субъект–объектных отношений – принципиально философское как по своему предмету, так и по содержанию получаемых теоретических положений.

Вывод о принципиально философской направленности теории человеческой деятельности при опоре в ее исследовании на субъект–объектный инвариант может быть получен и иным, не менее доказательным путем. Суть его в следующем: стремясь к анализу именно инвариантов развития того или иного предметного знания (в нашем случае – знания о человеческой деятельности), мы делаем попытку приближения к тому абсолютному, что всегда было признаком именно философского, метафизического. Напомним в этой связи аристотелевское понимание метафизики: «Есть некоторая наука, исследующая сущее как таковое, а так же то, что ему присуще само по себе. Эта наука не тождественна ни одной из так называемых частных наук, ибо ни одна из других наук не исследует общую природу сущего как такового, а все они, отделяя себе какую – то часть его, исследуют то, что присуще этой части»¹. Сошлемся и на современные представления о сути философского (метафизического): «Метафизика не может быть полезной для экспериментальной науки. На небе не работают так, как на Земле. И в этом величие метафизики. Она бесполезна, говорил Аристотель, она не служит никому и ничему, ибо она выше всякого сервиллизма, всякого раболепства. Она бесполезна, потому что сверх полезна»².

Таким образом, философская предметность искомой теории человеческой деятельности нами вполне обоснована в силу органического единства предметности самой философии с проблематикой субъект–объектных взаимодействий.

Отметим еще одно важное предварительное обстоятельство, которое затем будет использовано: через субъект–объектные отношения наша будущая теория человеческой деятельности не только определяется как принципиально философская по своей предметной направленности, но она еще и наделяется потенциальными возможностями научного поиска и конструирования различных сторон предмета исследования путем нацеленного и системного использования различных бинарных оппозиций, принципа бинаризма в целом. Бинарные оппозиции, в свою очередь, (например, «субъект» и «объект», «природа» и «культура» и др.), могут быть, как известно, содержательно определены на основе либо диадных, либо триадных схем их теоретического рассмотрения; это важная методологическая составляющая нашего исследования так же будет нами использована при построении философской теории человеческой деятельности.

Обсуждая методологические аспекты построения теории, мы неоднократно отмечали необходимость сознательного и активного конструирования предмета исследования, идеализированных объектов, понятийного аппарата, других ее конструкторов и инструментов совершенно не случайно. Принципиально активное, по сути своей творчески-конструкторское начало любого исследователя – одно из главных условий успешного теоретизирования, поскольку теория именно творится, создается из того исходного научного материала, который имеется в наличии ученого. Активный, принципиально-творящий характер деятельности теоретика возможен только тогда, когда он вооружен особенными методологическими исследовательскими возможностями для этого научного творчества. Но методология методологии рознь, далеко не всякая подходит для успешного построения теории. Исследуя эту проблему, мы пришли к выводу о необходимости введения принципиального различия как минимум двух типов методологий, используемых в теоретических построениях – внешнего и внутреннего³. Что это означает и для чего это здесь нужно?

В своё время Л.С.Выготский писал, что «есть два типа научных систем по отношению к методологическому хребту, поддерживающему их. Методология всегда подобна костяку, скелету в организме животного. Простейшие животные, как улитка и черепаха, носят свой скелет снаружи, и их, как устриц, можно отделить от костяка, они остаются малодифференцированной мякотью; высшие животные носят скелет внутри и делают его внутренней опорой, костью каждого движения»⁴.

В полном соответствии с вышеприведенным фрагментом работы В.С.Выготского следует, к сожалению, констатировать, что значительная часть существующих практик методологического обоснования различных теоретических исследований, в том числе огромного количества диссертационных работ, действительно применяют методологию именно как внешний «костяк простейших животных». К таким практикам следует, на наш взгляд, отнести такие из них, в которых методологическая составляющая исследования реальной конструктивно работающей значимостью для него фактически не обладает и на сам процесс научного познания «здесь–и–сейчас» фактически никак не влияет. Такой методологизм и назван нами внешним; его роль в научном исследовании фактически низведена к некому формально-оформительскому фактору внешнего придания полученному научному продукту необходимого и требуемого научным сообществом общепринятого методологического стандарта уже после того, когда все основные результаты получены и их необходимо соответствующим образом лишь «упаковать», придать им должную методологическую форму. Ясно, что такой внешний методологизм никак не влияет на процесс научного познания, его исследовательские возможности реально не управляют научным поиском и принципиально не могут выполнить ту функцию, которую так ярко и образно описал Л.С.Выготский – стать «костью каждого движения» научного поиска. Такую функцию может выполнить, на наш взгляд, только методологизм внутренний, способный непосредственно, «здесь и сейчас», конструктивно влиять на ход научного исследования, непосредственно управлять производством нового знания, буквально вести за собой исследователя, быть для него

¹ Аристотель. Сочинения: В 4-х т. М.: Наука, 1976. Т. 1. С. 119.

² Пушкин В.Г. Сущность метафизики: от Фомы Аквинского через Гегеля и Ницше к Мартину Хайдеггеру. СПб.: Лань, 2003. С. 42.

³ Батулин В.К. Фундаментальная теория управления. Владивосток: Изд-во Тихоокеанс. гос. экономич. ун-та, 2006. С. 48–54.

⁴ Выготский В.С. Собр. соч. в 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 352.

настоящим теоретико-методологическим ориентиром, программой, схемой, методом. На наш взгляд, внутренний методологизм – это целая система установок, подходов, приемов, имеющих целее ориентирующий характер, характер управленческой директивы, синергетических «рулей», с помощью которых процесс развития научного знания может стать эффективным и в значительной степени управляемым. Чуть позже мы покажем конкретную созидательную и конструктивную работу подобного внутреннего методологизма непосредственно при построении философской теории человеческой деятельности, к которому непосредственно мы и приступаем.

3. Объект, субъект, деятельность

Уже отмечалась принципиально философская направленность проблемы субъект–объектных отношений, которая действительно была, продолжает быть и будет всегда предметом многочисленных философских исследований во все исторические времена. Эта та самая научная проблема, в инвариантном характере которой содержится определенная доля абсолютного, вечного, закономерного для любых научных исследований: «Теоретико-системная модель динамики научного знания должна... заключать в себе три фундаментальных компонента, а именно: субъект, объект и взаимодействие между ними, продуктом которого и является знание в форме динамического, иерархического, организованного процесса»¹.

К настоящему времени накоплен целый арсенал методологических и теоретических результатов исследований данной проблемы, представленных, в частности, работами В.С.Степина (см. выше), В.А.Лекторского², П.П.Гайденко³, Л.А.Марковой⁴, В.В.Соколова⁵ и др.

В самом общем плане субъект–объектное взаимодействие может описываться либо *двучленной (диадической)* моделью (схемой), либо *трехчленной (триадной)* моделью (схемой). Рассмотрим эти модели более подробно. Начнем с двучленной, *диадической* схемы (Д-схемы) описания взаимодействия субъекта (С) и объекта (О), которая задается следующей формулой:

$$O - C \quad (1)$$

Характерной и определяющей особенностью такой диадической схемы является то обстоятельство, что объективная реальность непосредственно предстаёт субъекту (т.н. «постулат непосредственности»). Яркими примерами подобных утверждений, опирающихся на диадическую схему как на свой методологический базис, могут служить следующие, очень распространенные до сих пор положения: содержание любого научного понятия всецело соответствует содержанию самой материальной действительности; теоретическое знание является непосредственным отражением окружающего мира; объектом познания является природа сама по себе и т.д. В таком подходе всячески подчеркивается необходимость обеспечения т.н. объективности познания, которая выступала для науки неким идеалом и трактовалась, во-первых, как степень совпадения научного знания с его предметом и, во-вторых, как необходимость устранения из процесса познания всего того, что связано с субъектом и средствами познавательной деятельности. Но является ли диадическая схема адекватной моделью описания действительного взаимодействия субъекта и объекта? Ответ на этот вопрос поднимает целый пласт многовековых исследований, суть которых в предельно сжатом варианте можно изложить примерно следующим образом.

Начать этот краткий обзор следует, конечно, с Декарта. Он и является фактическим автором диадической схемы субъект–объектных отношений. Важность научного открытия Декарта в том, что отныне субъект как мыслящая личность становится не просто пассивным созерцателем божественных и природных тайн, но активной, творческой силой по отношению к окружающей действительности, способной открывать и учреждать её законы, изменять и преобразовывать её в соответствии со своими потребностями. «Вместо умозрительной философии, преподаваемой в школе, – пишет Декарт, – можно создать практическую, с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и прочих окружающих нас тел... мы могли использовать и эти силы во всех свойственных им применениях и стать, таким образом, как бы господами и владетелями природы»⁶.

Следующий важный этап в развитии данной научной проблемы сделал Кант, который существенно ограничил притязания познающего субъекта, показал априорную обусловленность познания окружающего мира культурой человеческого общества как истинного субъекта познания. В отношениях между субъектом и объектом у Канта впервые появляется некий посредник – трансцендентальное, т.е. то, что лежит посередине между имманентным и трансцендентным, а иначе – между субъектом и объектом, причем при этом качественно переопределяются и сами понятия субъекта и объекта. Подлинным субъектом у Канта является теперь не сам по себе отдельный индивид, но индивид, производный от трансцендентального субъекта – культуры, прежде всего познавательной практики родового человека; подлинным объектом – вовсе не сам по себе природный объект, а «... объект отчасти внешнего, отчасти внутреннего чувства»⁷. Кант особо подчеркивает, что «вещи, которые мы созерцаем, сами по себе не таковы, как мы их созерцаем, и... отношения их сами по себе не таковы, как нам они

¹ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.

² Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.

³ Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному. М., 1997.

⁴ Маркова Л.А. Наука. История и историография XIX–XX вв. М., 1987.

⁵ Соколов В.В. Историческое введение в философию: История философии по эпохам и проблемам: Учебник для высшей школы. М., 2004.

⁶ Декарт Р. Соч. В 2-х т. Пер. с лат. и франц. / Сост., ред., вступ. ст. В.В.Соколова. М.: Мысль, 1989. Т. 2. С. 286.

⁷ Кант И. Соч. в 6 т. Т.3. М., 1963–1966. С. 600.

являются... как явления они могут существовать только в нас, а не в себе»¹. Отметим, что именно Кант впервые усомнился в возможностях диадической схемы адекватно отразить всю полноту субъект–объектных отношений.

Гегель в своих теоретических построениях проблематику объект–субъектных отношений объединил со своим учением о диалектическом развитии действительности и основной упор в этом делает также на подчеркивании принципиальной активности субъекта в его взаимодействиях с объектом: «Мышление... должно оторваться от природного и выйти из созерцательной погруженности... Началом философии в собственном смысле мы должны признать тот момент, когда мысль постигает бытие... как абсолютную целостность и как имманентную сущность всего на свете, ... как мысль, хотя бы оно и выступало как внешне бытие»².

Важный вклад в решение анализируемой проблемы сделал и Маркс, предложивший ввести в диалектику отношений субъекта и объекта всю человеческую практику во всех её проявлениях в качестве опосредующего их звена.

Если попытаться определить общую тенденцию всех исследований проблемы взаимоотношений субъекта и объекта в философии, бросается в глаза постепенный отход философии от жёсткой диадической схемы. Отказ от нее начал Кант, а Маркс эту новую познавательную традицию существенно развил: «Главный недостаток всего предшествующего материализма... заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»³.

Свою дальнейшую динамику этот методологический подход Маркса получил в работах советских и российских ученых, в том числе в формате «деятельностного подхода» с общей направленностью этих исследований именно на отход от диадической схемы рассмотрения субъект–объектных взаимодействий.

В чем же главный методологический недостаток этой схемы? Почему она не может служить адекватной моделью описания субъект–объектных отношений, и, следовательно, не может выполнять роль достаточного теоретического и методологического базиса для научного исследования? Согласно современным представлениям, диадическая схема отражает такое отношение человека к объективной реальности, которое фактически соответствует реакции организма человека на внешнюю среду и в этом плане она не обладает даже способностью четкого различения человека от животного в их отношениях с окружающей действительностью. Но тогда возникает закономерный вопрос: на какую же модель (схему) субъект–объектных отношений следует опираться исследователю? Начиная с работ Канта, преодоление диадической схемы осуществлялось на пути расширения ее членов, т.е. путем фактической замены двухчленной схемы субъект–объектных отношений на трехчленную, задаваемую формулой:

$$O - X - C \quad (2),$$

где “X” – посредующее звено между субъектом и объектом.

Нам уже известно, как понимали это член “X” Кант, Гегель и Маркс. Добавим, что и в XX в. было предложено немало новых вариантов решения этой проблемы. Так, у А.Бергсона в этой роли выступают интуиция и инстинкт, у Д.Дьюи – гипотеза, у Р.Карнапа – отношения сходства в памяти, а впоследствии – вероятностная индуктивная логика. Советскими учеными Л.С.Выготским, А.Н.Леонтьевым и А.Р.Лурией была разработана теория исторического формирования психических функций, в которой субъект–объектные отношения понимаются, исходя из такой трёхчленной схемы, где роль посредника выполняет *человеческая деятельность* (Д):

$$O - D - C \quad (3)$$

В чем состоит принципиальное отличие такой триадной схемы субъект–объектных отношений от схемы диадической? Для сравнения диадической и триадной схем и обоснованного их смыслового различения поступим следующим образом: схему (3) обратно «сведем» к традиционной форме, задаваемой формулой (1), но в особом, приведенном виде, при этом сохраняя информацию о наличии в ней третьего члена – человеческой деятельности Д. Для этого осуществим условные «сокращения» в формулах (1) и (3): Сначала по субъекту (С), в результате чего получим новую модель объекта в виде теоретического конструкта «Д – О»; затем по объекту, результатом чего модель субъекта предстанет в виде другого конструкта – «Д – С». Подставляя полученные из формулы (3) «приведенные» модели субъекта и объекта – «Д – О» и «Д – С» – в формулу (1), получим:

$$\langle O - D \rangle - \langle D - C \rangle \quad (4)$$

Формулой (4) мы как бы «вернулись» в привычную, познавательно-традиционную диадическую схему субъект–объектных взаимодействий, но с теоретическим обременением понятий «субъект» и «объект» третьим важным для целей нашего исследования понятием «деятельность», которое теперь оказалось не само по себе, а в целостном единстве с ними. Это важно, прежде всего с методологических позиций, поскольку полученная подобным образом теоретическая конструкция создает необходимые возможности для целостного, последовательно-философского (метафизического) исследования человеческой деятельности (попутно отметим, что это уже третья по счету возможность подтвердить философскую предметность разрабатываемой теории).

Но что в формуле (4) скрывается под деятельностью Д субъекта? Это только применительно к родовому человеку можно говорить о деятельности вообще; если же постараться дойти до действительно первичной диадической схемы (в понимании ее содержания «до Канта»), то необходимо каким-либо образом конкретизировать модель субъекта, наделив ее не родовыми, а конкретно-индивидуальными определенностями. Для этого необходимо

¹ Там же. С. 144.

² Гегель Г.В.Ф. Соч. Т.9. М., 1932. С. 87–88.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. М., 1974. С. 261.

учесть, что деятельный компонент отдельного конкретного индивида будет существенно отличаться от деятельности родового человека так, как Часть отличается от Целого, а, значит, различие двух этих конструктов определяется степенью освоенности данным конкретным индивидом совокупной человеческой деятельности родового человека. Ясно, что в содержание деятельности конкретного индивида войдет только некая часть от деятельности родового человека – та часть, которая им реально освоена и применяется в его повседневной практике: все его многообразные связи и отношения с миром природной и социальной действительности, познавательная, трудовая, управленческая, ценностно-ориентационная, житейская деятельность, деятельность общения и т.д. Что осваивается каждый раз различными конкретными индивидами? Что передается им из поколения к поколению? Традиции – «исторически сложившиеся, передаваемые через поколения формы деятельности и поведения, а так же сопутствующие им обычаи, правила, ценности, представления»¹. Именно поэтому такую деятельность конкретного индивида как некую освоенную часть от общей деятельности родового человека обосновано можно теоретически интерпретировать понятием «традиция» (Т). Тогда формула (4) может быть переписана в следующем виде:

$$\langle O - T \rangle - \langle T - C \rangle \quad (5)$$

Традиция Т выполняет в субъект–объектных отношениях многообразные функции. Прежде всего, именно благодаря традиции Т и через нее в сознании субъекта проявляется реальность объекта, которая приобретает ту или иную содержательную определенность в силу того, как традиция «вырезает», «проявляет» и «фильтрует» стороны и отношения действительности в зависимости от их связей и отношений к данной традиции. Познавая действительность, субъект всегда деформирует, изменяет объективную реальность, превращая её в Т–модель действительности для данного субъекта, причем в прямой зависимости от содержания этой традиции – от содержания освоенных и применяемых форм деятельности и поведения, сопутствующих им обычаев, правил, ценностей (особенно ценностей, – об этой важной стороне нашей теории пойдет речь ниже). Содержание этой Т–модели объекта определяется, с одной стороны, самими его природными свойствами и связями, а, с другой стороны, – общественной практикой и историческим опытом, освоенным данным конкретным субъектом. Забегая вперед, мы можем сказать, что познавательные традиции всегда являются своего рода внутренними «рулями» управления, причем как процессом познания, так и процессом практического использования его результатов в человеческой деятельности. Выходит, что в совокупной человеческой деятельности процессы познания и управления составляют неразрывное единство. Об этом подробно пойдет речь чуть позже, а пока отметим, что наличие в человеческой деятельности какой-либо определенной традиции Т означает фактическое присутствие и ее оппозиции – традиции не-Т (в силу действия философского принципа бинаризма). Это ещё один важный вывод теоретико-методологического характера, который можно сформулировать в виде принципа целостности объекта как предмета исследования: предмет исследования в его целостном, всестороннем рассмотрении есть единство всех конкретно-исторических познавательных традиций T_i ; а так же их отрицаний – оппозиций не- T_i , т.е. предмет исследования есть всегда содержательное единство традиций – оппозиций вида (T_i , не- T_i). С помощью логической операции отрицания этому теоретическому конструкту можно обобщено придать следующую форму – (T, T).

Вот теперь мы в полной мере готовы ответить на ранее поставленный вопрос о правоте Гегеля и Маркса относительно того, какой для человека предстает его деятельность – фактором–плюс (созидающим) или фактором–минус (разрушающим)? Ответ на этот вопрос однозначен с позиций нашего (T, T)–подхода: правы именно оба, и Гегель и Маркс. Далее будет показано, как постепенно деятельность в качестве средства спасения человека – биологической особи стало все больше превращаться в свою противоположность и в настоящее время сторона деятельности со знаком минус для человека все больше и больше превосходит сторону деятельности со знаком плюс...

Итак, любое научное исследование начинается с детального анализа предшествующего теоретического опыта именно в целях отыскания основных познавательных традиций и их отрицаний и последующей «сборки» целостности предмета исследования; в качестве конкретного примера такого рода исследовательских действий можно рассматривать и данную работу, особенно первую ее часть.

Приведем еще один яркий и убедительный пример необходимости теоретической работы с традициями В.А.Лекторского², в которой, оперируя найденными им познавательными традициями как некими инвариантами теории познания, как теоретическим и методологическим инструментарием, он определил два исторических типа этой теории – классический и неклассический.

Для классического типа теории познания, согласно теоретическим выводам В.А.Лекторского, характерны такие традиции, как критицизм, фундаментализм, субъектоцентризм и наукоцентризм. Кратко поясним их содержание. Критицизм предполагает недоверие к познавательной традиции, сомнение в том, что в настоящий момент считается знанием в науке и философии. Со своей стороны фундаментализм и нормативизм задают познавательный идеал, требующий поиска такого незыблемого основания всех наших знаний (нормы), в истинности которого нельзя было бы усомниться. Субъектоцентризм делает сам факт существования познающего субъекта несомненным и неоспоримым базисом построения систем знания. Наконец, наукоцентризм имеет своим следствием господствующее положение науки и её методов в познании окружающего мира, начиная с эпохи Нового времени, когда становится незыблемым правило: что говорит наука о мире, то и существует на самом деле.

¹ Словарь психолога-практика / Сост. С.Ю.Головин. 2-е изд., перераб. и доп.. Мн.: Харвест, 2001. С. 861.

² Лекторский В.А. Теория познания (гносеология, эпистемология) // Вопросы философии. 1999. № 8.

В неклассическом типе теории познания прежние познавательные традиции полностью меняются на свои противоположности (оппозиции). Недоверие к традиции сменяется доверием к ней, осознанием того, что познающий субъект всегда действует в рамках той или иной традиции («пост-критицизм»). Ставшая очевидной изменчивость познавательных норм, равно как и сомнение в существовании неизбывных и абсолютно достоверных оснований познания, приводят к отказу от фундаментализма. Субъективность, с точки зрения современной науки, оказывается культурно-историческим, коллективным, коммуникативным продуктом, необходимым элементом процесса познания, а не его абсолютным центром. Наукоцентризм также сдаёт свои позиции, поскольку наука хотя и остаётся, как прежде, способом познания окружающей действительности, но далеко не единственным. Завершая краткий анализ работы В.А.Лекторского, следует, на наш взгляд, обратить особое внимание на её структурное построение, а именно: если классический тип теории познания определяется четырьмя традиционными особенностями (обозначим их T_1 = критицизм, T_2 = фундаментализм, T_3 = субъектоцентризм, T_4 = наукоцентризм), в итоге все это даёт $\{T_1, T_2, T_3, T_4\}$, то неклассический тип познания, в свою очередь, определяется полным отрицанием этих четырех традиций $\{T_1, T_2, T_3, T_4\}$. Ясно, что полнота предмета исследования, в данном случае содержательная полнота теории познания, складывается из единства всех познавательных традиций и их оппозиций. Нельзя не отметить так же научную точность типологии научного познания (классическую и неклассическую ее составляющие), предложенную В.А.Лекторским.

Итак, в качестве объекта в субъект–объектных взаимодействиях всегда выступает (T, T) –модель объекта; это значит, что любой объект всегда является субъекторазмерным комплексом – конкретно-историческим объектом, проявленным в своих свойствах и связях в данном объеме «здесь и сейчас» человеческой деятельностью. Отсюда представленность в (T, T) –модели объекта как естественных, природных связей, отношений, качеств самих объектов, так искусственных качеств и отношений, идущих от человека, от его деятельности, причем естественное входит в (T, T) –модель объекта постольку, поскольку оно связано с искусственным, «обслуживает» его. Более того, как правило, в объекте всегда находится именно то, что изначально было необходимо познающему субъекту. Парадокс состоит в том, что даже тогда, когда на самом деле человеком нечто необходимое по-настоящему не найдено, оно – это необходимое для него – все равно появляется. Появляется... как нечто придуманное – мифологическое, мистическое, религиозное и др. Это обстоятельство являет собой еще одну сторону полноты человеческой деятельности.

Содержательная полнота модели объекта обеспечивается совокупным наличием в ней всех познавательных традиций и не – традиций, причем деление на T и не- T – относительное, подвижное, изменяющееся, граница между двумя этими элементами условна и временна. Теоретическое осмысление модели субъекта в формуле (5) дает нам представление о нем как о конструкте, который оказывается культурно-историческим продуктом, моделью, содержательно определяемую либо богатством, либо нищетой его ценностного и предметно-содержательного опыта, целостностью и разнообразием включения его в связи и отношения с реальным природным и социальным миром. Для такой модели субъекта органично подчеркивание не-свободы, ответственности субъекта за каждый свой шаг и каждый поступок, поскольку потенциал современного человека стал настолько велик и опасен, что любое неосторожное или преднамеренное действие с деструктивными целями – уже давно не придуманная фантастика, а сегодняшняя реальность разрушения и даже гибели мира. Особо подчеркнем, что инструментом познания, его целостным исследовательским арсеналом выступает не абстрактные рефлексия, созерцание, познавательное наблюдение и т.д., а вся к данному историческому моменту освоенная и потребляемая совокупная человеческая деятельность, которая нами названа познавательной традицией. (T, T) –модель субъекта ограничивает возможности субъекта, задает ему определенный горизонт возможного (как в познании, так и управлении) именно этим наличным, конкретно-историческим его спектром (T, T) и субъект оказывается как бы «вписанным» в эти традиции – не-традиции, погруженным в них. Следует также подчеркнуть принципиально нелинейный характер субъект–объектных отношений, характер игры с реальностью, её фактического творения субъектом – блуждания по полю многовариантных путей в будущее, которое не предопределенно, не задано фатально, которое ещё не сотворено, а только создается и огромная активная роль в этом принадлежит именно человеку. Именно поэтому при анализе субъект–объектных отношений все более на первый план выходят требования принципиальной ответственности человека за свои поступки и действия, требования этики и сотворчества, тем более, что в наше время стала пронзительно понятной необратимость и высочайшая уязвимость окружающего нас мира.

4. Деятельность, познание, управление

Продолжим теоретическое осмысление формулы (4), где в качестве субъекта представлен именно родовый человек; для философского исследования именно такая схема необходима в первую очередь (отметим, что формула (5) принципиально важна для тех исследований, где важна детальная конкретизация индивидуальных качеств субъекта – в психологии, педагогике и т.д.).

В формуле (5) бросается в глаза наличие двух, а не одной деятельности; проведенные нами теоретические манипуляции, связанные с восстановлением из триадной схемы субъект–объектных отношений новой (приведенной) диадической формы позволяет получить двухкомпонентный спектр человеческой деятельности, показывает ее принципиальную внутреннюю структуру. Хорошо видно, одна из деятельности, входящая в формулу (5), обращена, прежде всего, на объект и объединена именно с ним; обозначим этот компонент человеческой деятельности как Д1. Вторая деятельность в этой формуле обращена, прежде всего, на субъект и именно с ним составляет содержательное единство; обозначим этот компонент человеческой деятельности как Д2. Прежде чем давать содержательную интерпретацию каждого из этих деятельных элементов, зафиксируем их связь с совокупной деятельностью простым и очевидным равенством следующего вида;

$$D = D_1 + D_2 \quad (6)$$

Что скрывается за этими двумя видами единой человеческой деятельности, какую содержательную интерпретацию можно придать каждой из них? Выполнить такую исследовательскую задачу означает решение важной научной проблемы определения внутренних, причем атрибутивных (в силу принципиально общего характера данного исследования) структурных составляющих человеческой деятельности, ответить на вопрос о том, из чего же она состоит.

Первая составляющая – D_1 , как уже подчеркивалось, обращена на объект, на то, что находится в окружающем мире. Эта та часть деятельности человека, которая характеризует его связь и активное взаимодействие с реальностью и, на наш взгляд, более всего может быть интерпретирована как процесс познания. В самом деле, для обоснования предложенной выше содержательной трактовки D_1 , обратимся к словарю В.И.Даля: «познавать... познаму... по известному, известному, ведомому...»¹. Смысл слова «познавать» – относиться к чему-либо, отталкиваясь от того, что уже известно, от того, что уже освоено и что относится к массиву традиционного, к традиции (еще раз отметим значимость понятия «традиция» для построения философской теории человеческой деятельности). Но это только первая часть того смысла, которое нам представляется действительно важным для понимания сути познания, есть ещё и другая сторона, которую мы также находим у В.И.Даля. В качестве различных примеров, поясняющих практику употребления слова «познавать», В.И.Даль приводит такое предложение: «Воруют познаму, узнав, где что лежит»². Трудно определить, почему именно это предложение понадобилось В.И.Далю для прояснения содержания слова «познание», но для целей нашего исследования оно просто находка. Здесь содержится нечто глубинное, нечто фундаментальное: выходит, что человек, по сути, обреченный к полному своему исчезновению как биологическая особь, вынужден был искать другие, не биологические средства и инструменты своего дальнейшего существования и активности и для этого ему потребовалось именно познавать. Осуществлять поиск всего того, что можно у природы... позаимствовать для решения различных своих проблем. Итак, на наш взгляд, который мы постарались обосновать, первый атрибут человеческой деятельности – это именно познание.

Вторая составляющая – D_2 , как уже подчеркивалось, обращена на субъект, на то, что содержится и характеризует внутренний мир человека – его цели, ценности, вооруженность опытом и т.д. Эта та часть деятельности человека, которая характеризует его связь и активное взаимодействие с другими субъектами, с обществом в различных его формах и, на наш взгляд, более всего может быть интерпретирована как процесс управления. В самом деле, на первой, познавательной фазе деятельности человек узнает «что и где находится» в этом мире вовсе не ради праздного любопытства, а для целей использования найденного для своих практических, жизненно-важных нужд, для того, чтобы приспособить внешние силы природы путем управления ими удовлетворять человеческие потребности. Человек отделяет себя от остального мира, превращает себя в его часть, но часть властвующую и хозяйствующую. Человек забывает о том, что он – только часть этого мира, а мнит себя его хозяином и властелином. Мир и до сих пор человеком рассматривается в качестве некоего резервуара, из которого можно черпать и черпать различные ресурсы для его, человека, потребностей.

Но что значит «владеть», что значит быть хозяином, быть «господином»? Нам и здесь поможет разобраться В.И.Даль: «Управлять, распоряжаться, заведовать, быть хозяином, распорядителем чего, подрядничать...»³. Здесь тоже содержится нечто глубинное, нечто фундаментальное: выходит, что быть хозяином и господином – это значит управлять, заведовать тем, что наличествует. Итак, на наш взгляд, который мы постарались обосновать, второй атрибут человеческой деятельности – это управление.

Теперь целостная картина человеческой деятельности выглядит следующим образом. Сначала человеку нужно познать «что где лежит» у природы для того, чтобы у неё это... изъять. Для того, чтобы в корыстных целях человека это можно было бы употребить, нужно этим научиться управлять; управлять же присвоенным можно с помощью познания законов и закономерностей природы по отношению к тому, что у неё изъято. Получается не просто изъятие, а изъятие «в квадрате» и даже «в кубе»: мало того, что нечто у природы изымается, так еще и изымается совокупность тех законов природы, которые этим самым нечто в самой природе и управляют; завершается это изъятие изъятием из природы самого человека, переключением его с космических целей и смыслов на цели и смыслы простого самообслуживания (отметим, что мы имеем дело с человеком и его деятельностью как с неким «коротким замыканием»).

Таким образом, человеческая деятельность – атрибутивно-дихотомична и являет себя как целостное единство познания и управления, которые выступают как некоторый единый каскад человеческой активности в форме деятельности, состоящий из фазы познания и фазы управления.

Формулу (6) теперь можно преобразовать следующим образом:

$$\text{Деятельность} = \text{познание} + \text{управление} \quad (7)$$

Фактически процесс построения философской теории человеческой деятельности в пределах целей и задач этого нашего исследования в основном завершен. Нами получены определенные, на наш взгляд, весьма важные, теоретические результаты, которые необходимо тщательно и всесторонне проанализировать.

Теоретически обосновано, что деятельность как понятие имеет важное философское содержание – познавательно-управленческую атрибутивную дихотомичность. Проявлена сущность познания и управления, а так же

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т.Т.3. М.: Русский язык, 1989. С. 232.

² Там же. С. 232.

³ Там же. С. 504.

их принципиальная связь и единство – как между собой, так и с целостной человеческой деятельностью. Показано, что познание – процесс присвоения естественно-природного для удовлетворения человеческих потребностей. Деятельность и, в частности, человеческое познание – это нескончаемый процесс «очеловечивания» природы. Деятельность – это еще не оконченная история о том, как Часть мира (человек) возомнила себя Целым, а само это Целое (природу) сделала своим средством существования и благополучия. Познание – это захват, экспансия человека в окружающий мир часто с неясными целями, средствами, инструментами и, как следствие, с такими же примерно результатами... Отчего же мы тогда удивляемся тому, что в предметах нашего познания мы постоянно находим собственные «следы», печать активности субъекта? Ведь эта активная субъективность изначально присутствует в любом акте познания, поскольку за нашими вопросами «что?», «как?», «почему?» сразу же следуют другие – «для чего это нужно?» и «как это использовать?».

Наши дальнейшие выводы в рамках полученной теории опираются на известное положение Б.Паскаля, получившее название принципа гносеологического пессимизма: «чтобы познать бесконечную природу, надо иметь способность столь же бесконечную... вещи имеют свой принцип и свою цель, он... не знает ни того, ни другого; они просты, он же составлен из двух различных природ»¹. Эта непреодолимая ограниченность познания, вскрытая Б.Паскалем, тяготеет над человеком как проклятие. Обладая каждый раз конечным и недостаточным объемом знаний о бесконечном окружающем мире, человек просто обречен вести имманентно ошибочную деятельность, использовать неадекватные ресурсы и средства, двигаться к неверным целям и в итоге приходиться к неполноценным результатам. Если принцип Б.Паскаля применить к предмету нашего исследования, то его можно интерпретировать и как основное познавательное противоречие человеческой деятельности и вслед за Паскалем следует признать, что любому виду человеческой деятельности имманентно присущи авантюристичность, изначальная неустраняемая ошибочность, несостоятельность, фантастичность, утопичность и т.д. В самом деле, познание создает искусственное, «очеловеченное» – многокаскадное напластование различных, принципиально авантюристичных попыток человека использовать естественное в своих целях. Поясним последнее свое положение: авантюристичность любой человеческой деятельности – следствие неизбежной неполноты наличных на каждый данный момент времени знаний и опыта человека. Авантюристичность человеческой деятельности принципиально атрибутивна – ведь человек, условно говоря, «идет в бой» всегда с неполным «патронташем» знаний и ценностей, опыта. Именно отсюда проистекают ошибки, недоразумения, авантюры, и им «не счесть числа». Напомним в этой связи описывающее суть положения дел знаменитое высказывание А.Швейцера о том, что человек овладевает природой, еще не научившись владеть собой.

Познавая окружающий мир и стараясь не особо деформировать его своим присутствием и влиянием, человек фактически все равно уже управляет им. Человек вносит в познание «естественного» свои цели и задачи, постоянно смешивает в своей деятельности «естественное», находящееся в фокусе познания, и «искусственное», идущее от управления как процесса достижения поставленных целей. Иначе говоря, человеческая деятельность является диалектическим единством познания окружающей действительности и управления ею: познание всегда стремится к наиболее полному и очищенному от субъективности постижению окружающего мира, а управление – к наиболее полной «искусственной» реализации поставленных целей путём эксплуатации «естественного».

Сущность процесса управления состоит в его способности к реализации конкретных целей, поставленных человеком, путем проникновения в естественные процессы, их эксплуатации и пилотирования в нужном человеку направлении. Познание вскрывает ресурсы объектов для будущей человеческой деятельности, направляет их на различные, уже известные цели, превращая их в объекты управления; при этом степень совпадения целей и средств их достижения, как и все остальное – шатко, зыбко, ненадежно, авантюристично, конъюнктурно, безответственно, далеко не адекватно. При таком деформирующем вмешательстве человека в естественный ход событий, при таком изначально ошибочном, несостоятельном, авантюристичном подходе помнить необходимо, прежде всего, об ответственности человека за каждый свой шаг, за каждое свое действие. Человеческая деятельность в реалиях этого мира, особенно в современную эпоху, приводит к нарастающей день ото дня тревоге за будущее человека, но будет ли услышан этот грозный сигнал?

Совершенно очевидно, что процесс познания только тогда сможет выполнить свои адаптационные функции и задачи для сохранения человеческого рода, – ведь для именно этих целей родовой человек стал познавать, – когда ради подобного его сохранения не будет уничтожен сам мир; именно к такому критическому пределу, к такой «красной черте» подошла человеческая цивилизация. Но есть еще одно принципиальное обстоятельство, которое делает положение человека в современном мире еще значительно худшим и чреватым разного рода катаклизмами. Мы уже отмечали, что, будучи даже вооруженным неким истинным багажом знаний, опыта, ценностей, авантюристичности человеческой деятельности избежать все равно невозможно. Что же тогда можно сказать в отношении современного человека, который сплошь и рядом ради успеха в достижении желаемых целей готов умышленно использовать в качестве ресурсов своей деятельности преднамеренную ложь и дезинформацию? Ложь, которая соединилась с эгоизмом и стремлением к наживе – эта «адская смесь» превратилась в одно из самых страшных орудий разрушения человеческой цивилизации. Для лжи и манипуляции сознанием людей, а в конечном итоге – для наживы изобретаются и внедряются все новые и новые культурные, идеологические, информационные, экономические, политические, образовательные и другие «проекты» и площадки, которые по своему разрушительному воздействию вполне можно сравнить с оружием массового поражения – химическим, бактериологическим, ядерным и т.д.

¹ Цит. по Мареев С.Н., Мареева Е.В. История философии (общий курс). М., 2003. С. 219.

Главный вывод нашей философской теории человеческой деятельности, достаточно, к сожалению, безрадостный, напрашивается сам собой. Либо человечество в масштабе всей планеты начнет реально взращивать, поддерживать, лелеять именно то будущее, которое желаемо исключительно всему человеческому обществу, начнет по-настоящему культивировать только те ценности и цели, которые нужны исключительно для всей человеческой цивилизации, наконец-то начнет решительно и последовательно подавлять малейшие проявления всего того негативного и разрушительного (прежде всего эгоистического и безответственного), что несет всем гибель и деградацию, – либо цивилизация от авантюристических и безответственных проявлений человеческой деятельности просто рухнет, исчезнет – третьего не дано.

Манипулировать человеку можно другим человеком; манипулировать же миром человеку не удастся, поскольку мир, природа, Космос такого распоясавшегося манипулятора уничтожит его же собственной безответственной и авантюристической деятельностью.

По своей сути мы имеем дело здесь с самым, на наш взгляд, фундаментальным выводом нашей философской теории человеческой деятельности: человек так и не нашел пока никакого действительно спасительного способа сохранения своего существования в природе, а лишь только отодвинул сроки своего исчезновения посредством иногда не столь безумной своей деятельности. Мы стоим сегодня перед таким же по своему масштабу и значимости Великим Выбором, перед которым, в свое время, стоял человек как биологическая особь. Тогда ему удалось найти то чудесное средство, которое продлило человеческие Дни – Деятельность. Она – человеческая деятельность – общими нашими усилиями, благодаря нашему из века в век нарастающему безумству подчинения всего и вся эгоистическим и безответственным целям, к сожалению, уже больше не работает на наше спасение. Она – человеческая деятельность – нами самими переклочена на другую главную цель – на погибель человека, а так же на гибель той части природы, до которой сумел «дотянуться» человек, принося ее себе же в жертву. Великий Выбор нам всем сделать предстоит незамедлительно, ибо мы с ним давно уже запаздываем. Чтобы убедиться в этом, достаточно полистать «Красную книгу» природы. Нас, людей, там пока нет. Пока нет. Великий Выбор – за нами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. М.: Наука, 1976.
2. Батулин В.К. Познавательная традиция как инвариант развития науки, философии, философии науки. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос академии экономики и управления, 2004.
3. Батулин В.К. Фундаментальная теория управления. Владивосток: Изд-во Тихоокеанс. гос. экономич. ун-та, 2006.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
5. Выготский В.С. Собр. соч. в 6-ти т. М., 1982. Т. 1.
6. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. М.: Республика, 1997.
7. Гегель Г.В.Ф. Соч. в 14 т. М.: Соцэргиз, 1932–1937.
8. Гегель Г. Философия религии. В 2-х т. М.: Мысль, 1977.
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т.3. М.: Русский язык, 1989.
10. Декарт Р. Соч. в 2-х т. Пер. с лат. и фр. / Сост., ред., вступ. ст. В.В.Соколова. М.: Мысль, 1989.
11. История теоретической социологии. В 4-х т. М.: Канон, 2002.
12. Кант И. Соч. в 6-ти т. М.: Мысль, 1963–1966.
13. Каган М.С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). М.: Политиздат. 1974.
14. Лебедев С.А. Философия науки: Словарь основных терминов. М.: Академический Проект. 2004.
15. Лекторский В.А. Теория познания (гносеология, эпистемология) // Вопросы философии. 1999. № 8.
16. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: УРСС, 2001.
17. Мареев С.Н., Мареева Е.В. История философии (общий курс). М.: Академический проект, 2003.
18. Маркова Л.А. Наука. История и историография XIX–XX вв. М.: Наука, 1987.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. М.: Политиздат, 1974.
21. Мунье Э. Персонализм. М.: Искусство, 1992.
22. Мэмфорд Л. Миф машины // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991.
23. Пушкин В.Г. Сущность метафизики: от Фомы Аквинского через Гегеля и Ницше к Мартину Хайдеггеру. СПб.: Лань, 2003.
24. Розин В.М. Ценностные основания концепций деятельности в психологии и современной методологии // Вопросы философии. 2001. № 2.
25. Слободчиков В.И. Деятельность как антропологическая категория (о различении онтологического и гносеологического статуса деятельности) // Вопросы философии. 2001. №3.
26. Словарь психолога-практика / Сост. С.Ю.Головин. 2-е изд., перераб. и доп.. Мн.: Харвест, 2001.
27. Соколов В.В. Историческое введение в философию: История философии по эпохам и проблемам: Учебник для высшей школы. М.: Академический Проект, 2004.
28. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
29. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981.
30. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: УРСС, 1997. С. 250
31. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978.
32. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат. 1991.